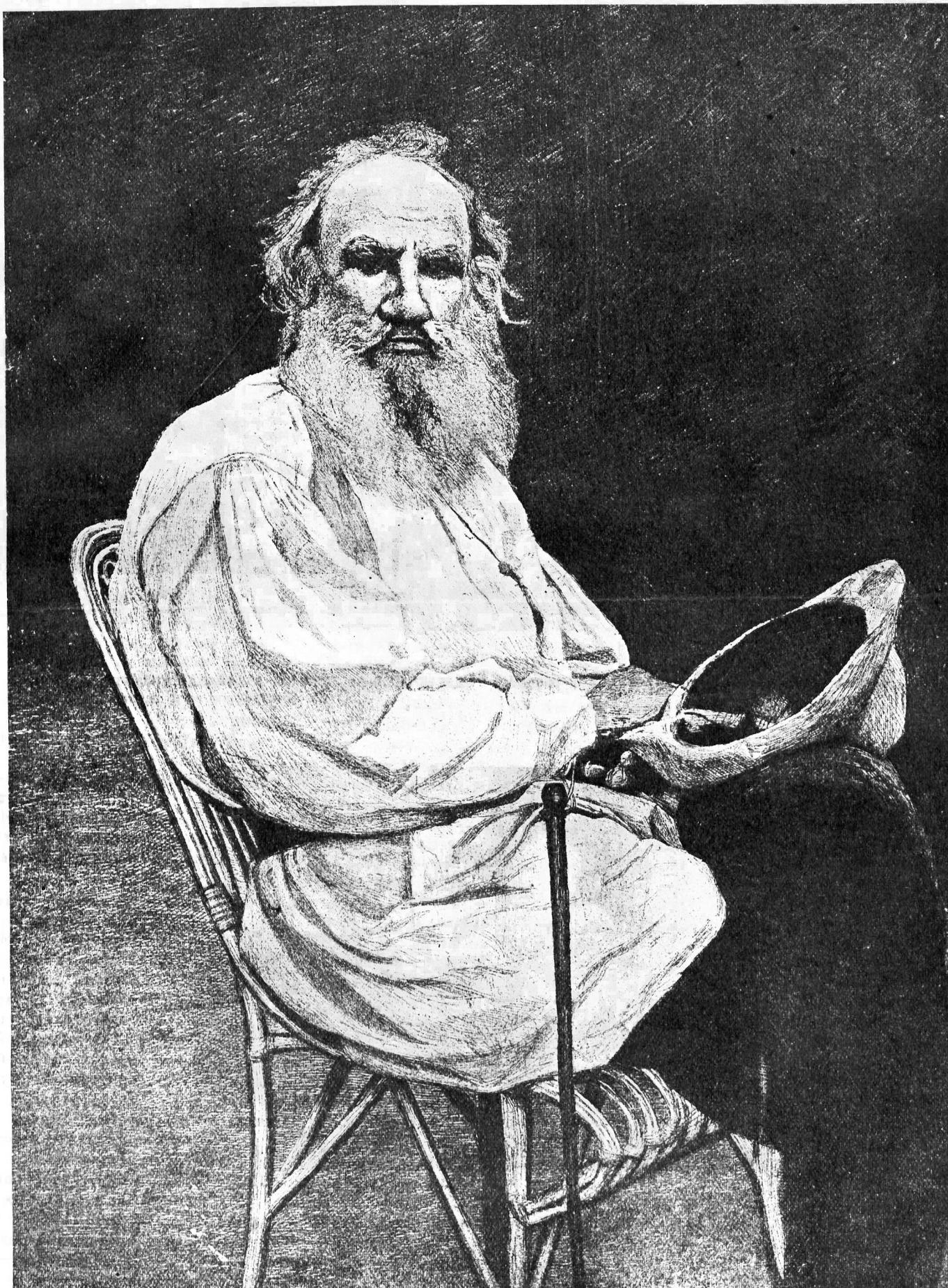

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Четвергъ, 28-го Августа 1908 года

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9472.

Графъ Л. Н. Толстой.

Съ офпорта И. А. Бодянского.

Адресъ графу Л. Н. Толстому отъ Харьковского Общества распространенія въ народѣ грамотности.
Текстъ см. въ номерѣ „Ю. К.“.

Воспоминанія о Ясной Полянѣ.

Въ 1903 году, будучи ученикомъ академіи художествъ, я сдѣлалъ офортъ портретъ Л. Н. Толстого босикомъ, съ оригинала И. Е. Рєпина. Въ это же время мнѣ пришлось познакомиться съ А. П. Щербакомъ, получившимъ извѣстность вслѣдствіи при выборахъ въ первую Государственную Думу.

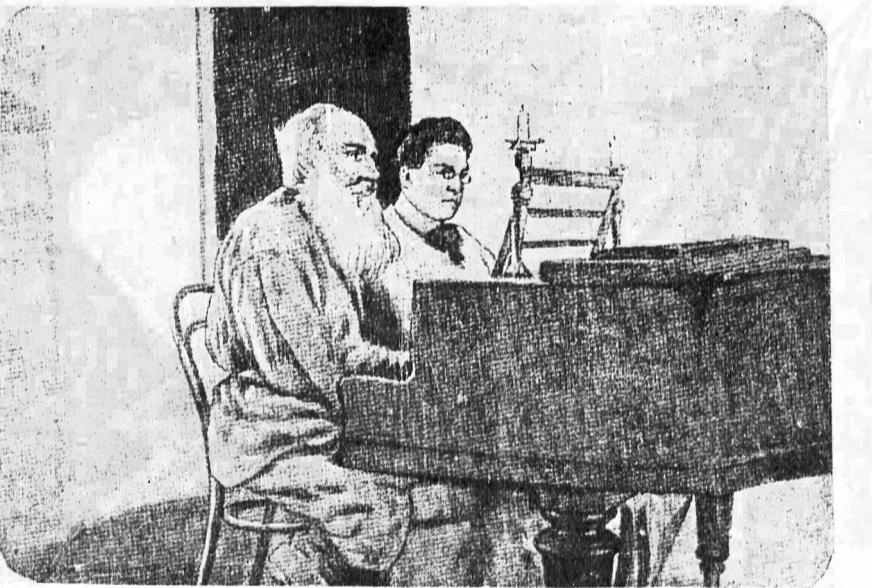
Однажды г. Щербакъ зашелъ комнѣ въ академію, и мы усѣлись съ нимъ въ передней комнатѣ мастерской.

Щербакъ собирался уѣзжать изъ Петербурга на югъ, предполагалъ заѣхать въ Ясную Поляну, и, пользуясь этимъ, я попросилъ его передать Л. Н. мой офортъ.

Вскорѣ послѣ этого г. Щербакъ сѣѣдилъ на югъ, свезъ Л. Н. мой офортъ и снова вернулся въ Петербургъ.

Здѣсь мы видѣлись съ нимъ ежедневно, а по вечерамъ бывали у профессора Мата.

Однажды, въ одинъ изъ прекрасныхъ августовскихъ вечеровъ, зашелъ разговоръ о Л. Н. въ которомъ приняла участіе и семья Мата,—г. Щербакъ сказалъ, что онъ собирается въ Харьковскую губернію и, по дорогѣ, заѣхать въ Ясную Поляну, чтобы позравить Л. Н. съ наступающимъ 75-лѣтіемъ.

Гр. Л. Н. Толстой съ дочерью играютъ въ четыре руки Бѣхъ.

— Счастливый вы человѣкъ,—позвалъ я. Какъ бы мнѣ хотѣлось быть на вашемъ мѣстѣ и хотя бы одну минуту видѣть Л. Н.!

— Кто-же вамъ мѣшааетъ,—сказалъ профессоръ. Вашъ отецъ хорошо знакомъ съ нимъ и, уже по одному этому, вы можете, какъ мнѣ кажется, легко осуществить свое желаніе.

— Да, пожалуй,—замѣтилъ г. Щербакъ,

а тѣмъ болѣе, что офортъ виситъ въ гостиной Софии Андреевны. Собираетесь и поѣдемте вѣмѣстѣ. Переночую въ Ясной Полянѣ, а на другой день вы поѣдете назадъ, а я впередъ.

Уходя отъ профессора, г. Щербакъ сказалъ мнѣ, что онъ собирается подпиши поль адресомъ Л. Н., что самыи адресъ пока находится въ г. Сумахъ, а затѣмъ будетъ присланъ въ Петербургъ и что для него надо сдѣлать папку.

На слѣдующий день мы заказали плюшевую папку со вклейеннымъ кускомъ ватманской бумаги, на которой я сдѣлалъ послѣ акварель.

Адресъ запоздалъ и, выѣзжая, намъ пришлось захватить только одну папку.

Рано утромъ мы вышли на станцію Козловъ-Засѣка».

— Есть лошади отъ Льва Николаевича? — спросилъ г.

Щербакъ, выходя.

Оказалось, что пріѣхалъ на бричкѣ домашній докторъ Л. Н. за письмами, и мы положили на бричку мой фотографический аппаратъ и ручной чемоданъ.

Докторъ съ вещами уѣхалъ, а мы рѣшили съ г. Щербакомъ пойти отъ станціи пѣшкомъ.

Чѣмъ ближе мы подходили къ Ясной Полянѣ, тѣмъ страшнѣе казалась мнѣ

встрѣча со Л. Н. и, весьма вѣроятно, что если бы не присутствіе г. Щербака, то я повернулся бы назадъ.

Когда мы входили въ ворота Яснополянского парка, не было еще восьми часовъ. На крыльце настѣ встрѣтилъ докторъ и пригласилъ къ себѣ въ комнату, где мы умылись и привели себя въ порядокъ, послѣ чего поднялись наверхъ, въ залъ, который служилъ также и столовой.

Напившись чаю и побесѣдовавъ съ докторомъ, мы встали, подошли къ роялю и стали показывать доктору папку. Въ это время въ залъ вошелъ Левъ Николаевичъ съ какой-то рукописью. Поздоровавшись съ дочерью и г. ж. Игумновой, онъ передалъ послѣдней рукопись, просилъ на ней что-то сдѣлать, и обернулся къ нашей группѣ. Когда она увидѣла меня, незнакомаго ей человѣка, то на его лицѣ мелькнула тѣнь неудовольствія, которую я ясно почувствовалъ.

Левъ Николаевичъ показался мнѣ ниже ростомъ, чѣмъ я ожидалъ; спина его сильно согрѣбена, но какъ будто не отъ старости, а отъ лежавшей на ней большей невидимой тяжести.

Поздоровавшись съ докторомъ и г. Щербакомъ, Л. Н. подалъ мнѣ руку. Я называлъ свою фамилію.

— Не можетъ быть? — воскликнулъ Л. Н., какъ-то отскакивая, но потомъ извинился и сказалъ: это просто на меня нашло затменіе. Когда вы называли свою фамилію, я принялъ васъ за资料а отца, и увидавъ молодое лицо, удивился. Потомъ Л. Н. подошелъ къ роялю и стала разматривать разложенные подарки. Наша папка, какъ видно, не понравилась Л. Н.

— А вотъ Касаткинъ прислалъ копію своей картины, сказалъ Л. Н., вынимая изъ большого конверта фотографію извѣстной картины „Жена рабочаго“ (оригиналъ этой картины находится въ академіи художествъ и изображаетъ худую блѣдную женщину, сидящую съ ребенкомъ на задворскомъ дворѣ).

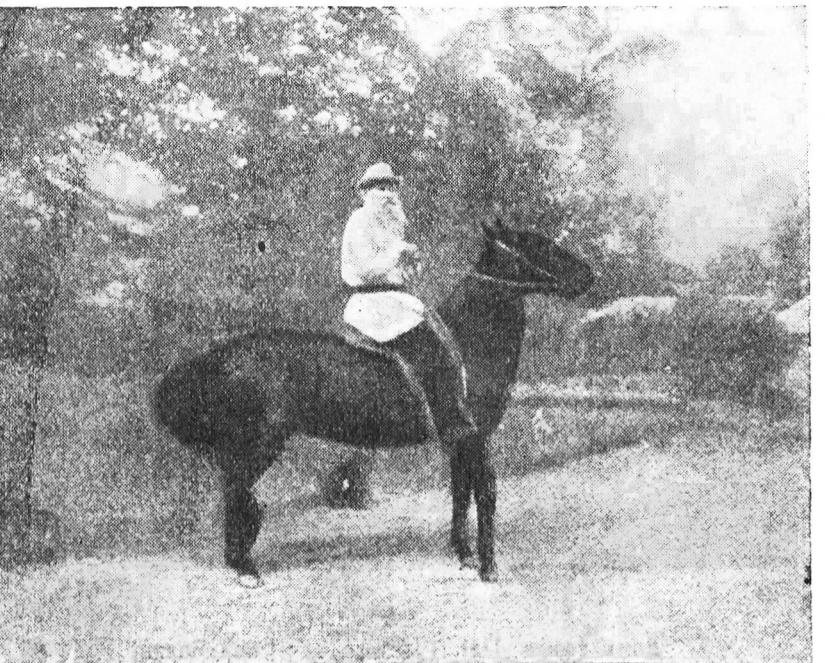
— Мнѣ она не нравится! — говорилъ Л. Н., — не поймешь, чего эта женщина задумалась, больна ли она, боленъ ребенокъ, или мужъ пьянствуетъ? Что вы скажете, г. ж. художникъ?

Разговоръ перешелъ на искусство. Потомъ Л. Н., взявъ стаканъ чаю, ушелъ къ себѣ, г. Щербакъ же направился въ паркъ, позвавъ и меня.

Въ этотъ же день за обѣдомъ я снова встрѣтился съ Л. Н. Онъ сидѣлъ въ креслѣ, былъ очень веселъ и ссыпалъ камламбурами и анекдотами. Послѣ обѣда Л. Н. куда-то исчезъ и мы его опять увиѣли только за чаемъ на балконѣ. Послѣ обѣда расположились у круглого стола въ углу залы.

Я не помню хорошо разговора, который велся, но помню, что въ концѣ заговорили объ искусствѣ, и я сказалъ такую фразу: „Не находите ли вы, Л. Н., что искусство является у насъ предметомъ роскоши?“ Л. Н. согласился съ этимъ и почему-то быстро ушелъ къ себѣ въ комнату.

Черезъ нѣкоторое время я услыхалъ голосъ Л. Н., спрашивавшаго меня. Я поднялся съ дивана, но онъ, увидавъ ме-

Графъ Л. Н. Толстой на прогулкѣ верхомъ въ Ясной Полянѣ.

дѣть новый портрѣтъ. Отъ Л. Н. отвѣта не было. На станціи я нашелъ пару лошадей изъ Ясной Поляны. Оказалось, что я попалъ за два дня до именинъ графини.

Портрѣтъ щѣхъ въ баражѣ, и такъ какъ посланный человѣкъ взялъ его, то онъ попалъ въ Ясную Поляну только въ день торжества, что, можетъ быть, сдѣлано умышленно домашними Л. Н. и самой С. А. Левъ Николаевичъ меня принялъ, какъ старого знакомаго.

— Я только недавно получилъ вашу статью и сегодня отвѣтилъ. Можетъ быть, письмо еще не отослано, тогда вы его сейчасъ получите, сказаъ Л. Н.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ письмо было въ моихъ рукахъ.

Пріѣхалъ я 15 сентября рано утромъ; графиня вышла только къ 12 часамъ. Передъ ея выходомъ я успѣлъ вымыть изъ чесомдана

графини, сдѣланнны моими знакомыми. Фотографіи были стереоскопическія и изображали проводы запасныхъ на войну по ж. д. дор.

Сцены были сняты, дѣйствительно, потрясающія. Тутъ была и молодая женщина въ истерикѣ и народъ, бѣжавшій за поѣздомъ. Я попросилъ передать ихъ Л. Н. Вскорѣ Л. Н. вышелъ со стереоскопомъ ко мнѣ. Фотографіи на него подѣствовали очень сильно.

Это не фантазія художника,—говорилъ Л. Н.—это натура, и такъ сильно еще ни одинъ художникъ не передавалъ, а вѣтъ, взгляните, какъ славный мужикъ стоитъ. И тутъ у Льва Никол. въ голосѣ прозвучала рѣщающій звукъ. „Вотъ гдѣ ужасъ войны переданъ. Помогите, обратился Л. Н., къ убирающему со стола лакею (женскій прислуга въ Ясной Полянѣ почти не видѣла), и, давая стереоскопъ, добавилъ: „двигайте здѣсь, пока отчетливо не увидите все изображеніе“.

Насколько мнѣ помнится, Л. Н. не сдѣлился въ этотъ день за работу, хотя и ушелъ къ себѣ, а С. А. говорила, что никакъ не ожидала того сильнаго впечатлѣнія, которое произвели фотографіи.

За завтракомъ графиня сама разливала бульонъ, но когда я заявилъ, что я вегетариансъ, то Л. Н., взявъ тарелку, налилъ мнѣ свежаго вегетарианскаго супу. Этимъ, думаю, онъ невольно выразилъ сочувствіе вегетарианству.

Послѣ обѣда пріѣхалъ отъ большой дочери Л. Н., Маріи Львовны, докторъ Душанъ Петровичъ, и Левъ Николаевичъ удалился съ нимъ и долго бесѣдовалъ. Вечеромъ Л. Н. не показывался. Вся компанія собралась у круглого стола. Графиня шила дѣтскія одѣяла.

Послѣ ужина Л. Н. вынесъ брошюру, сказавъ мнѣ:

— Вотъ, прочтите одну изъ моихъ послѣдніхъ брошюръ. Она прислана издателемъ ея, Черткоемъ, изъ Англіи, у меня имѣется только одинъ ея экземпляръ.

Это была брошюра „Единое на потребу“. Сила въ углу, я прочелъ ее и... рѣшилъ не пускать въ свѣтъ свою статью.

На другой день, послѣ завтрака, когда

Л. Н. уѣхалъ верхомъ, С. А., показывая мнѣ портреты Л. Н. работы Рѣпина, Крамского и Сѣрова, замѣтила, что хорошихъ портретовъ Л. Н. очень мало и великолѣпенъ только портретъ, написанный Рѣпинъ.

Къ обѣду прїѣхали Илья Львовичъ и нѣсколько знакомыхъ Л. Н. Разговоръ былъ отвлеченный и общій. Послѣ обѣда Л. Н. сталъ меня разспрашивать о моей жизни, и о томъ, что я работаю. Я отвѣтила, что пишу большую историческую картину.

— Зачѣмъ историческую? — спросилъ Л. Н., съ видимымъ огорченіемъ, — какой смыслъ?

— Я нахожу это красивымъ, — и, главнымъ образомъ, поэтому пишу ее.

— А вы не противъ красоты? — спросилъ я Л. Н.

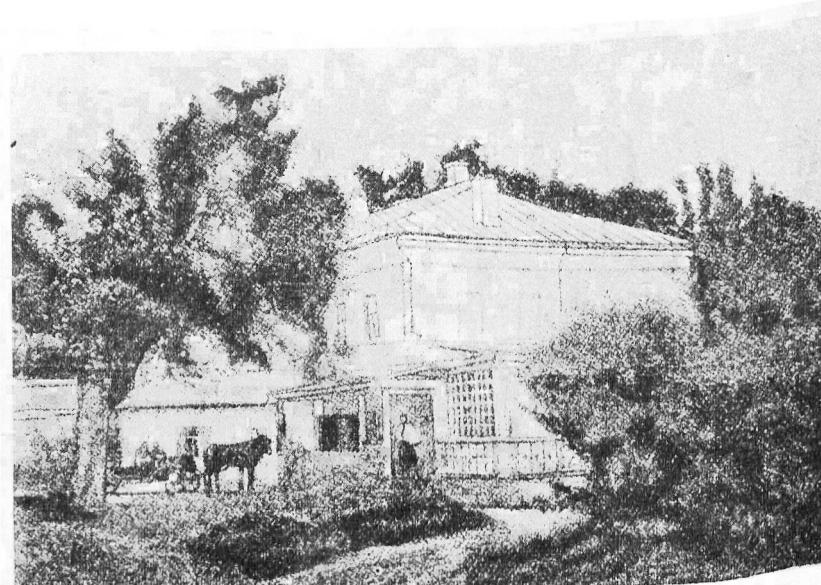
— Нѣтъ, нѣтъ, — живо отвѣтилъ Л. Н., красота должна существовать въ искусстве.

Потомъ — Л. Н. пригласилъ меня въ свою комнату. Вообще, обстановка яснополянского дома не богата и такую обстановку всегда можно увидѣть въ любомъ помѣщичьемъ домѣ средней руки, но обстановка комнаты Л. Н. совсѣмъ скромна: небольшой письменный столъ, полки съ книгами, на стѣнѣ Сикстинская Мадонна и фотографіи съ картинъ; посреди комнаты кровать, и больше ничего бросающагося въ глаза.

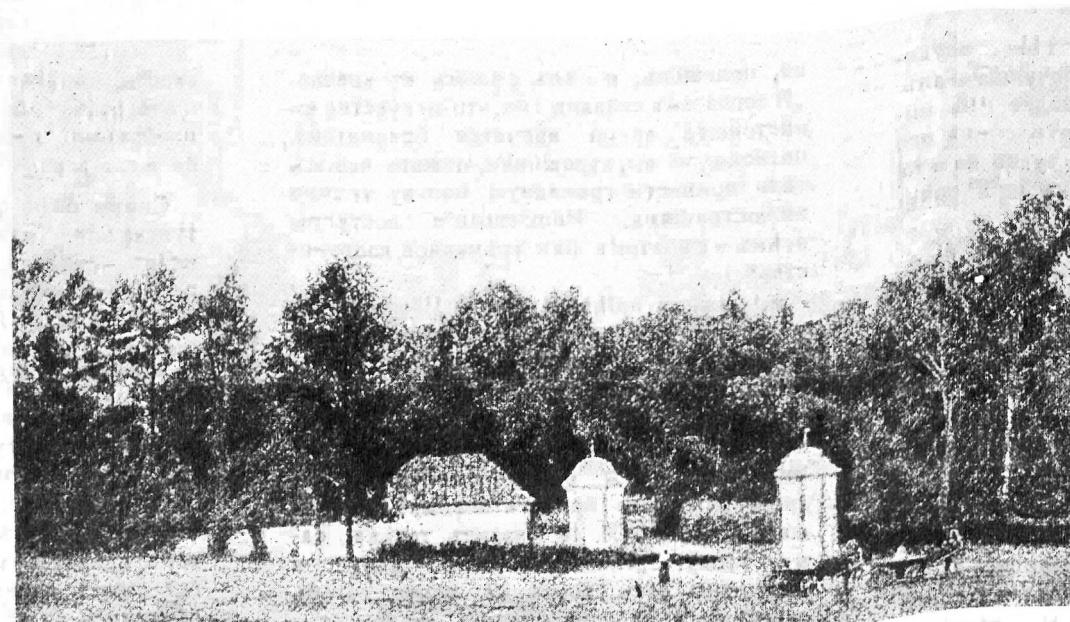
— Вотъ, взгляни-те, какъ вамъ нравится этотъ художникъ, — спросилъ Л. Н., указывая на фотографіи съ картинъ Орловскаго. — Я очень люблю этого художника. Онъ вышелъ изъ крестьянской среды, очень любить ее, знать ея жизнь и писать только изъ ея быта.

Послѣ чая Л. Н. ушелъ къ себѣ, всѣ же остальные остались въ столовой.

На слѣдующій день, когда я утромъ вошелъ въ столовую, меня встрѣтила г-жа Кузминская со словами: «портретъ вашъ полученъ, и васъ дожидаются внизу люди, чтобы вынуть его изъ ящика».

Домъ графа Л. Н. Толстого въ Ясной Полянѣ.

Въездъ въ паркъ Ясной Поляны.

Когда внесли портретъ, у стѣны, на открытомъ ломберномъ столѣ, г-жа Кузминская, г-жа Игумнова и дочери Л. Н. устанавливали подарки. Тутъ же на столѣ они поставили и портретъ. Г-жа Игумнова подарила подушку для дивана съ написанными мухоморами, красоту которыхъ любить С. А.; г-жа Кузминская подарила спиртовой кофейникъ и $\frac{1}{4}$ ведра денатурированаго спирта, остальные подарки состояли изъ рукодѣлій.

Въ 12 часовъ вышла графиня. Она долго любовалась подарками и благодари-

ла всѣхъ. Какъ въ предыдущіе два дня, Л. Н. не было видно до самаго обѣда. Къ обѣду прїѣхало много гостей. Странно было видѣть въ скромной одеждѣ Л. Н., бесѣдующаго то съ роскошно одѣтой ламой, то съ изящнымъ, одѣтымъ по послѣдней модѣ и надушеннымъ господиномъ. Л. Н. былъ со всѣми любезенъ, но чувствовалось, что онъ не въ своей сфере; чувствовалось, что эти изящные господа не понимали Л. Н. и только напрасно отѣснили болѣе скромныхъ и болѣе близкихъ по духу людей, — какъ, напримѣръ, г-жа Игумнова и докторъ Д. П. За обѣдомъ подали шампанское и всѣ стали поздравлять С. А. и Л. Н.

Бокалъ, наполненный шампанскимъ, Л. Н. долилъ краснымъ виномъ.

Этотъ день мнѣ не повезло, т. к. я почти не видѣла Л. Н. Послѣ чая трое изъ гостей и Л. Н. сѣли играть въ винтъ. Я подсѣла къ Л. Н. и стала слѣдить за игрой. Л. Н. игралъ довольно разсѣянно, и на меня лично произвелъ впечатлѣніе не совсѣмъ хорошаго игрока.

Послѣ ужина я простился и уѣхалъ, т. к. истекающій срокъ билета не позволялъ мнѣ оставаться долѣе. Въ поѣздѣ я постаралась выяснить себѣ то впечатлѣніе, которое оставилъ во мнѣ Л. Н. Еще никогда мнѣ не приходилось встрѣтить такого пониманія чужой души, какъ

у Л. Н. Ему вовсе не надо высказывать своихъ взглядовъ — онъ ихъ чувствуетъ.

Къ несчастью, у меня нѣть возможности привести цѣликомъ переписку со Л. Н., которая болѣе ясно очертила въ моихъ глазахъ фигуру Л. Н., чѣмъ многія его сочиненія, и благодаря которой между мною и Л. Н. установилась какая-то глубокая духовная связь...

И. А. Бодянскій.

